

P O L S K A   A K A D E M I A   N A U K
K O M I T E T   O R I E N T A L I S T Y C Z N Y

ROCZNIK
ORIENTALISTYCZNY

T O M   X X I

W A R S Z A W A   1 9 5 7
P A Ń S T W O W E   W Y D A W N I C T W O   N A U K O W E

ROCZNIK
ORIENTALISTYCZNY

P O L S K A   A K A D E M I A   N A U K
KOMITET ORIENTALISTYCZNY

ROCZNIK
ORIENTALISTYCZNY

TOM XXI

WARSZAWA 1957
PAŃSTWOWE WYDAWNICTWO NAUKOWE

Redaktor naczelny:

Ananiasz Zajączkowski

Rada Redakcyjna:

Witold Jabłoński, Marian Lewicki, Eugeniusz Słuszkiewicz,

Stefan Strelcyn

Sekretarz Redakcji:

Edward Tryjarski

Adres Redakcji

Komitet Orientalistyczny PAN
Warszawa, Al. Świerczewskiego 79

PAŃSTWOWE WYDAWNICTWO NAUKOWE — WARSZAWA 1957

Wydanie pierwsze. Nakład 1000+90 egz. Ark. wyd. 37,25. Ark. druk. 33
Papier sat. kl. III, 80 g. B. Oddano do składania 14.6.1956. Podpisano
do druku 31.7.1957. Druk ukończono w sierpniu 1957. Zam. 713a/56.
Cena zł. 112,— B-90

DRUKARNIA IM. REWOLUCJI PAŹDZIERNIKOWEJ, WARSZAWA

H. Schayer.

KSIĘGA
dla
UCZCZENIA PAMIĘCI
STANISŁAWA SCHAYERA
(1899—1941)

MÉMORIAL
STANISŁAW SCHAYER
(1899—1941)

Spis treści — Table des matières

	<i>Str.</i>
1. Arnold Kunst: <i>Stanisław Schayer</i>	11
2. Ananiasz Zajączkowski: <i>Stanisław Schayer, organisateur du centre orientaliste varsovien</i>	29
3. Constantin Regamey: <i>Le problème du bouddhisme primitif et les derniers travaux de Stanisław Schayer</i>	37
4. H. W. Bailey: <i>A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary</i>	59
5. Janusz Chmielewski: <i>The Problem of Syntax and Morphology in Chinese</i>	71
6. R. N. Dandekar: <i>Religion and Philosophy in the Age of the Guptas (circa 200—700)</i>	85
7. Paul Demiéville: <i>Le chapitre de la Bodhisattvabhūmi sur la Perfection de Dhyāna</i>	109
8. P. K. Gode: <i>Some References to Persian Pearls in Sanscrit Literature</i>	129
9. Witold Jabłoński: <i>Wen Wong</i>	135
10. Arnold Kunst: <i>The Concept of the Principle of Excluded Middle in Buddhism</i>	141
11. Marcelle Lalou: <i>Les plus anciens rouleaux tibétains trouvés à Touen-houang</i>	149
12. Marian Lewicki, Renata Kohnowa: <i>La version turque-kiptchak du « Code des lois des Arméniens polonais » d'après le ms. n° 1916 de la Bibliothèque Ossolineum</i>	153
13. Tadeusz Lewicki: <i>La répartition géographique des groupements ibādites dans l'Afrique du Nord au moyen-âge</i>	301
14. Nina Pilszczikowa: <i>Wypadki użycia czasownikowych form w języku hausa bez zaimków przyczasownikowych</i>	345
15. Walter Ruben: <i>Tagore und Kālidāsa</i>	351
16. Г. Д. Санжеев: <i>Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики</i>	373
17. Robert Shafer: <i>Quelques équations phonétiques pour les langues li d'Hainan</i>	385
18. Eugeniusz Słuszkiewicz: <i>Bhāsa et le Rāmāyana</i>	409
19. Eugeniusz Słuszkiewicz: <i>V. indo-aryen « kṣonī » 'arc-en-ciel; terre'</i>	423
20. Ludwik Sternbach: <i>Juridical Studies in Ancient Indian Law: 25. The Mānava-Dharmaśāstra Stanzas in the Hitopadeśa</i>	427
21. Vishva Bandhu: <i>Vedic Text-critical Studies</i>	455
22. Helena Willman-Grabowska: <i>Fragmenty z Mahābhāraty</i>	459
23. В. С. Воробьев-Десятовский: <i>Вновь найденные листы рукописей Kāūīyānaparivarty</i>	491

SPIS TREŚCI

	<i>Str.</i>
24. В. С. Воробьев-Десятовский: <i>О роли субстрата в развитии индо-арийских языков</i>	501
25. Ananiasz Zajaczkowski: <i>Opisy żaloby (jas) w tureckiej wersji poematu «Husrev u Širin» ze Złotej Ordy</i>	517
26. Kamil Zvelebil: <i>Short Remark on a Problem of Old Tamil Verbal Flexion</i>	527

О роли субстрата в развитии индо-арийских языков

Индийская группа индоевропейских языков, именуемая обычно индоарийской, предоставляет ценный материал для изучения роли субстрата в развитии близко родственных языков. Объясняется это тем, что древнеиндийский (ведический) язык, совокупность диалектов которого явилась языком-основой для индоарийских языков, сохраняет главные черты древнего флективного индоевропейского строя с большой морфологической прозрачностью. Это обстоятельство позволяет довольно четко выявить нововведения и тенденции, ведущие к ним, путем сравнения с другими древними индоевропейскими языками. Кроме того, вторжение племен, говоривших на диалектах древнеиндийского языка, может быть более или менее точно датировано. Произошло оно, как выясняется из археологических и исторических данных, в середине II тысячелетия до нашей эры. Новейшие археологические раскопки и исследования по древней истории Индии позволяют воссоздать, хотя и в общих чертах, картину древней Индии и ее населения к моменту вторжения этих племен. Позднейшее развитие индоарийских языков вплоть до наших дней документируется многочисленными памятниками различных эпох, что позволяет прослеживать постепенную эволюцию строя этих языков, а также их лексики.

В настоящее время индоарийские языки представлены сравнительно большим количеством близкородственных языков и диалектов, сравнение которых дает возможность выявить внутренние законы их развития и установить его основные тенденции.

Важной предпосылкой для изучения роли субстрата в развитии индоарийских языков является то, что представители тех языковых семей, которые послужили субстратом для индоарийских языков, сохранились до наших дней. Это дравидийские языки и языки группы мунда.

К моменту вторжения племен, говоривших на диалектах ведического языка, население северозападной Индии принадлежало, очевидно, по языку к дравидийской группе. Положение это пока что не может считаться строго доказанным. Оно будет окончательно доказано тогда, когда будет прочтены надписи, найденные в Мохенджо-Даро и Харашпе и датированные IV—III тысячелетием до н. э. Пока что мы располагаем лишь некоторыми доводами

в пользу высказанного выше предположения. Во-первых, это то, что область одного из дравидийских языков, языка брагуи, лежит на крайнем западе Индии, вокруг Калата в Белуджистане. Переселение носителей этого языка с юга Индии в эту местность в исторических источниках не засвидетельствовано, и допустить его по целому ряду соображений трудно. Сравнение языка брагуи с другими дравидийскими языками указывает на то, что язык этот развивался, вне связи с ними в течение очень длительного времени. Таким образом, в этом языке можно видеть остаток одного из дравидийских языков, которые были распространены в северозападной Индии до прихода туда племен, говоривших на диалектах ведического языка.

Другим аргументом в пользу выдвинутого предположения служит современное расселение дравидийских народностей на Деккане. Там на протяжении последних 2-х тысяч лет граничат друг с другом территории распространения языков тамил и телугу. В лингвистическом отношении это два наиболее отличающихся друг от друга дравидийских языка. Все остальные дравидийские языки Деккана, в том числе и язык гондов, которые ныне живут севернее телугу, занимают в отношении взаимного родства промежуточное положение между ними. Отсюда может следовать, что предки телугу жили некогда севернее гондов, возможно, в западной Индии, и были вытеснены оттуда пришельцами.

Другим аргументом в пользу того, что западная Индия была заселена народностями и племенами, говорившими на дравидийских языках, является близость дравидийских языков к эламскому языку. Типологически эта близость не вызывает сомнений. Так, в качестве основного морфологического ресурса эламский язык, как и дравидийские языки, использует суффиксальную агглютинацию. Функцию падежных форм имен выполняет сочетание основ этих имен с послелогами-суффиксами, причем как в эламском, так и в дравидийских языках, к одной основе могут присоединяться несколько послелогов, передающих различные надежные окончания. Как в дравидийских языках, так и в эламском языке, функцию финитных форм глагола часто выполняют отглагольные существительные с местоименными показателями.

Наблюдается сходство между эламским языком и дравидийскими языками и в фонетике. К таким общим явлениям в этой области относится отсутствие фонематической разницы между глухими и звонкими согласными. Озвончение и оглушение согласных как в дравидийских языках, так и, очевидно, в эламском, зависит от положения согласного в слове, т.е. является позиционным. Материальное родство в области формальных показателей и лексики между эламским языком и дравидийскими языками прослеживается с большим трудом. Значительным препятствием для этого является плохая изученность эламского языка и его лексики. Тем не менее и здесь

можно отметить некоторые элементы сходства¹. Так, эламский послелог дательного-местного падежа - *ikki*, - *ikka*, может быть родственен по происхождению дравидийскому послелогу дательного падежа - *ki*, - *ku*, - *ukku*.

Эламское личное местоимение 2-го лица единственного числа *ni* 'ты' может быть сопоставлено с тем же местоимением *ni* 'ты' в дравидийских языках бадага, тода и кота и *ni* в дравидийских языках тамил, малаялам, каннада, брагуи, корава, кайкади и ирула. Личное местоимение 2-го лица множественного числа имеет в эламском языке форму *num* 'вы'. Точно такую же форму имеет это местоимение в языке брагуи. В ряде других дравидийских языков местоимению *num* языка брагуи соответствует форма с глаголом *i* вместо *u*. Например: в курух и мальто *nim*, в тамиле *nīngal* (-*gal* в данной форме показатель множественного числа, *m* перешло в *i* под влиянием последующего *g*), в корава *nīga* (*ga* в этой форме является показателем множественного числа). Чередование *i* (*i*) и *u*, наблюдаемое в этих дравидийских формах, известно и в эламском языке. Так, параллельно с приведенной выше формой личного местоимения 2-го лица единственного числа в эламском языке засвидетельствована форма этого местоимения *ni*.

Указательное местоимение, выполняющее функцию личного местоимения 3-го лица, в единственном числе имеет в эламском языке форму [*h*]e и *i*; в брагуи оно имеет форму *e*. Во множественном числе в эламском языке это местоимение имеет форму *ap*, а в языке брагуи — *efk* и *ofk*. Генетически эти формы могут быть родственны.

Во всяком случае генетическое родство эламского языка, который был распространен на юге современного Ирана, с дравидийскими языками представляется весьма вероятным, и, возможно, будет окончательно доказано в недалеком будущем.

Археологический материал говорит в пользу такого родства. Как было выяснено раскопками О. Стейна², энеолитическая культура южного Ирана очень близка энеолитической культуре юго-западной Индии. Кроме того, возможно, что часть населения Систана еще несколько столетий тому назад говорила на одном из дравидийских языков, родственном языку брагуи, и сравнительно недавно утратила его, усвоив один из диалектов персидского языка³.

Все эти данные говорят в пользу того, что дравидийские языки были рас-

¹ Эламские слова взяты из статьи И. М. Дьяконова, *О языках древней передней Азии*. „Вопросы языкознания”, 1954, № 5, стр. 57—61.

² Aurel Stein, *Archeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran*. London, 1937. Он же, *The Indo-Iranian Borderlands: their Prehistory in the Light of Geography and of Recent Explorations*. London, 1934. Он же, *Old Routes of Western Iran*. London, 1940.

³ Cp. P. M. Sykes, *Ten Thousand Miles in Persia or Eight Years in Iran*. London, 1902, стр. 366—367.

пространены в западной Индии и, вероятно, за ее пределами, в пограничных областях, в эпоху, предшествовавшую вторжению в Индию племен, говоривших на диалектах ведического языка. Эти языки и послужили наиболее древним субстратом для индоарийских языков.

Этим не исключается, однако, и то, что в северо-западной Индии в начале II тысячелетия до н. э. имелись племена и народности, говорившие на языках группы мунда и может быть какой-либо другой языковой группы. До сих пор мы не располагаем объективными данными говорящими против такого предположения. Тем не менее, следует признать, что дравидийский субстрат сыграл значительную роль в раннем периоде развития индоарийских языков.

Выяснением отдельных сторон влияния этого субстрата занимался целый ряд исследователей начиная со второй половины прошлого века. По данному вопросу накопилась уже довольно обширная литература, рассматривать которую мы не имеем возможности в данной статье⁴. Хотя отдельные выводы исследователей, занимавшихся этим вопросом и подлежат сомнению, все таки в настоящее время можно считать окончательно установленным, что дравидийский субстрат оказал влияние на индоарийские языки как в области лексики и фонетики, так и в области морфологии и синтаксиса. Изучение влияния субстрата мунда на индоарийские языки протекало менее интенсивно⁵. Только сравнительно недавно была напечатана большая работа посвященная влиянию субстрата мунда на лексику индоарийских языков в древности⁶.

Нисколько не отрицая важности изучения влияния того или иного субстрата на развитие отдельных сторон лексики, фонетики, морфологии или синтаксиса всех индоарийских языков в целом или же какого-либо отдельного языка этой группы мы хотели бы в данной статье остановиться на влиянии субстрата на общее развитие индоарийских языков.

Как известно, современные индоарийские языки по своему строю очень отличны от своего предка — древнеиндийского ведического языка. За последние три с половиной тысячи лет они претерпели столь сильные фонетические и морфологические изменения, что удалились в этом отношении от своего предка гораздо более, чем, например, современные языки балтийской группы от реконструируемого общиндоевропейского языка-основы. При этом некоторые индоевропейские языки, как например, те же языки балтийской группы использовали в своих новообразованиях ресурсы, типологически тождественные ресурсам индоевропейского языка-основы и сохра-

⁴ Сводку этих работ до начала XX в. см. в G. Grierson, *Linguistic Survey of India*, том IV. Calcutta, 1906, стр. 296—297.

⁵ Библиографию см. там же, стр. 25—26.

⁶ F. B. J. Kuiper, *Proto-munda Words in Sanskrit*. Amsterdam, 1948.

нили благодаря этому флективный строй. Индоарийские языки развивали новые средства для передачи грамматических отношений, совершенно отличные от старых флективных, и почти совершенно утратили старую флексию. Строй подавляющего большинства индоарийских языков является аналитическим, а в некоторых из них развивается агглютинация и намечаются тенденции к созданию новых флективных форм⁷.

Из всего этого следует, что за последние три с половиной тысячи лет весь строй индоарийских языков претерпел большие изменения, чем строй ряд других индоевропейских языков. Такая относительная быстрота изменения строя индоарийских языков как в области фонетики, так и в области морфологии и синтаксиса безусловно должна иметь какие-то причины. В качестве одной и, вероятно, наиболее важной из этих причин является влияние субстрата. Данные самих индоарийских языков свидетельствуют об этом. Для выяснения этого необходимо обратиться к истории этих языков и их носителей.

Вторжение индоарийских племен в северозападную Индию во II тысячелетии до н.э. привело их в соприкосновение с иноязычным населением этой части Индии. Как отмечалось выше, население это говорило, очевидно, на языках дравидийской группы. После того, как вторгнувшиеся племена заняли западную Индию, в частности, долину реки Инд, начался процесс скрещивания их языков с языками местного населения, культура части которого была для того времени весьма высокой. Из этого скрещивания победителем вышли языки вторгнувшихся племен. Они сохранили свой грамматический строй и основной словарный фонд. Из побежденных языков был заимствован ряд слов. Оказали эти языки также и влияние на фонетику языков пришельцев. Общепризнанным является тот факт, что церебральные звуки в индоарийских языках развивались под влиянием дравидийского субстрата. Имеется также еще ряд изменений в фонетике индоарийских языков, которые могут быть объяснены его влиянием. Произошли также значительные изменения в морфологии и синтаксисе, также, очевидно, под влиянием этого субстрата. Все эти процессы начали протекать при наличии двуязычия у определенной части населения западной Индии. Вскоре после их начала часть племен говоривших на индоарийских языках приступила к заселению долины Ганга.

Условия при которых происходило заселение этой части Индии были совершенно иными. Так, в долине реки Инда и в Панджабе существовала высокоразвитая городская культура, большинство удобных для земледелия территорий было уже освоено. Существовали ирригационные системы.

---

⁷ Этот процесс рассматривается акад. А. П. Баранниковым в его работе *Флексия и анализ в новоиндийских языках*. „Ученые записки Ленинградского Государственного Университета” (Серия востоковедческих наук), вып. I, Ленинград, 1949, стр. 3—17.

Остальная же территория из-за отсутствия влаги не могла прокормить сколько-нибудь значительное количество людей. Поэтому население, которое застали здесь вторгнувшиеся племена, могло либо ассимилироваться пришельцами, либо покинуть эту часть Индии. Ассимиляция здесь происходила сравнительно быстро. Так ряд данных свидетельствует о том, что уже в конце I-го тысячелетия до н.э. подавляющая часть населения западной Индии говорила только на индоарийских языках.

- В долине реки Ганга в то время местное население стояло на гораздо более низком уровне общественного развития. Большую часть территории здесь занимали джунгли. Лишь небольшая ее часть, главным образом по берегам Ганга и других крупных рек была заселена племенами, занимавшимися подсечным земледелием и знавшими гончарное ремесло и начатки металлургии. В джунглях жили племена, занимавшиеся охотой, рыбной ловлей и собирательством. Уровень общественного развития лесных племен был самым разнообразным. Плотность населения в долине реки Ганга была гораздо ниже, чем в долине реки Инда.

Поэтому завоевание и заселение этой территории пришельцами протекало не так, как в западной Индии. Поскольку племена местных жителей были разрознены, то сопротивление, оказанное ими вновь пришедшим было не значительно. Война шла главным образом из-за освоенных участков земли. Завоевание их приводило к ассимиляции части населения. Другая же часть оттеснялась в джунгли и гористые местности. Языки этих племен, принадлежавшие в большинстве своем к группе мунда, послужили вторым субстратом для части индоарийских языков. Языковое скрещение, которое имело место здесь, было, вероятно, менее интенсивно, чем в западной Индии, но зато продолжалось значительно более длительное время. Оттесненные в джунгли племена местных жителей еще долгое время представляли значительную военную силу и их набеги постоянно угрожали оседлому населению. Освоение новых земель всегда приводило к столкновению с лесными племенами и приводило либо к дальнейшему оттеснению этих племен вглубь джунглей, либо к включению их в общественную структуру оседлого населения. В последнем случае отдельные такие племена превращались в касты, которые постепенно утрачивали свой старый язык, воспринимая индоарийскую речь. Процесс превращения племен в касты усиливался по мере развития классового общества у оседлого населения долины реки Ганга.

Развитие государств в этой части Индии сопровождалось установлением постоянной связи оседлого населения с племенами, остававшимися жить в джунглях. Правители государств стремились использовать их военную силу для охраны границ своего государства и для нападения на соседей. Кроме того, многие лесные племена облагались данью, которая состояла из продуктов охоты и собирательства. Все это способствовало развитию и длительному сохранению двуязычия у части населения долины Ганга.

Таким образом языки мунда явились вторым субстратом для индоарийских языков центральной и восточной Индии. Дравидийский субстрат оказал на них сильное но сравнительно непродолжительное действие в западной Индии. Субстрат мунда оказывал на них затем менее интенсивное, но гораздо более продолжительное действие. Индоарийские языки племен, перешедших к оседлой жизни в долине реки Инда, испытали на себе действие только одного субстрата, очевидно, дравидийского. Причем двуязычие в этой части Индии существовало гораздо более короткий срок. В более позднюю эпоху из языков этих племен образовались языки народностей синдхи и лахнда.

Возможно, что вторжение племен говоривших на индоарийских языках было не однократным. Так деление индоарийских языков на внешнюю и внутреннюю группу может рассматриваться как результат по меньшей мере двух вторжений следовавших одно за другим. Первоначально в Индию вошла одна часть этих племен, из языков которых развивались современные языки внешней группы лахнда, синдхи, маратхи, ория, бихари, бенгальский и ассамский. Затем последовало вторжение нескольких племен, из языков которых развился язык промежуточной группы — восточный хинди и, наконец, вторглись племена, говорившие на языках, легших в основу языков внутренней группы пахари, панджаби, западного хинди, гуджарати и раджастхани. В этом случае необходимо допустить, что часть территории занятой племенами, пришедшими во время второго вторжения в Индию, была первоначально заселена племенами, из языков которых образовались языки внутренней группы. Если это так, то в языках внутренней группы должно наблюдаться гораздо меньше явлений, обусловленных влиянием дравидийского субстрата и субстрата мунда. Этого, однако, не наблюдается. Отсутствуют также и исторические данные в пользу того, что между вторжением в Индию племен говоривших на языках внешней и внутренней групп, прошел достаточно длительный промежуток времени⁸.

Из всего этого следует, что для изучения влияния субстрата на индоарийские языки более ценный материал дают языки внешней группы, но данные языков внутренней группы должны широко привлекаться к исследованию этой проблемы.

В ряде явлений все индоарийские языки показывают одинаковое влияние субстрата. В области фонетики в этом отношении показательны упомянутые выше церебральные звуки. Их появление в индоарийских языках всеми исследователями приписывается влиянию дравидийского субстрата. Следует отметить, что эти звуки существуют также в языках мунда. Поэтому их развитие в индоарийских языках долины реки Ганга могло стимулироваться также влиянием субстрата мунда. Однако в употреблении

⁸ Ср. R. Hoernle, *Grammar of the Gaudian Languages with Special Reference to the Eastern Hindi*. London, 1880, стр. XXXII.

этих звуков индоарийские языки не обнаруживают принципиальных расхождений, в зависимости от того, принадлежат ли они к внутренней или ко внешней группе. Звуки эти употребляются как в словах, происходящих из общиндоевропейского словарного фонда, так и в словах, этимология которых не ясна и которые могут быть заимствованы из неиндоевропейских языков. К первым относится древнеиндийское числительное *aṣṭau* 'восемь', имеющее правильные соответствия во всех древних индоевропейских языках, ср. авестийское *ašta*, старославянское *осемь*, латинское *octo*, тохарское А *okānt*, В *okt* и т.д. Во всех современных индоарийских языках в этом слове представлен простой или придыхательный церебральный *t*. Наиболее архаичной формой этого числительного является форма *aṭṭha*, засвидетельствованная в диалекте каччки языка синдхи. Она ничем не отличается от среднеиндийской формы, в которой древнеиндийское сочетание согласных *ṣṭ* ассимилировалось в долгий придыхательный церебральный *ṭṭh*. Далее из этой формы путем выпадания конечного согласного развилась форма *aṭṭh*, употребляющаяся почти во всех диалектах языков лахнда, панджаби и западного пахари, а также в диалекте гуджури языка раджастанхи и диалектов бангару западного хинди. Большинство индоарийских языков имеет форму *āṭh*, образовавшуюся из предыдущей путем сокращения конечного согласного и компенсационного продления предыдущего гласного. Эта форма засвидетельствована в маратском языке, во всех диалектах восточного хинди, в большинстве диалектов западного хинди в диалекте догри языка панджаби, в большинстве диалектов языков гуджарати и раджастанхи, в восточном и центральном пахари и диалектах джалинсари, сирмаури, багхати, шодочи и мандеали западного пахари, а также в ассамском языке и диалекте сирипурия бенгальского языка.

В языке ория та же форма получила дополнительно конечный гласный *a* и имеет вид *ātha*. Этот конечный гласный не является старым. Он присоединен после того, как среднеиндийский долгий согласный *ṭṭh* сократился благодаря тому, что оказался в конце слова. Об этом свидетельствует наличие компенсационного продления предыдущего гласного *ā*. Появление конечного гласного *a* в форме ория *ātha* может быть объяснено влиянием дравидийских языков уже в новоиндийскую эпоху⁹. Территория распространения языка ория ныне, как известно, граничит на юге и востоке с территориями распространения дравидийских языков. В дравидийских языках слова, оканчивающиеся на согласный присоединяют к нему краткий беглый гласный, который не имеет морфологических функций, а служит лишь вспомогательным ресурсом для произношения конечного согласного.

⁹ Ср. Jules Bloch, *L'indo-aryen du Veda aux temps modernes*. Paris, 1934, стр. 43.

Наконец, в литературном бенгальском языке и во всех его диалектах, а также в диалекте конкани маратского языка употребляется форма *āt*, которая отличается от приведенной выше формы *ath* только утратой придыхания конечным согласным.

В диалектах вичоли и лари языка синдхи процесс дальнейшего развития среднеиндийской формы *aṭṭha* пошел иным путем. Конечный гласный здесь не выпал, а сократился в очень краткий гласный звук *ä*. Долгий согласный *ṭṭh* сократился в *ṭh*. Так как он не был в абсолютном исходе, то за его сокращением не последовало компенсационного удлинения предшествующего гласного. Таким образом возникла форма *aṭhā*, засвидетельствованная в этих диалектах.

В словах, этимология которых не ясна и которые могут быть заимствованы из субстрата, церебральные представлены также почти во всех индоарийских языках. В качестве примера можно привести древнеиндийское слово *ghoṭikā* 'лошадь'. В среднеиндийский период церебральный *ṭ* в этой форме озвончается согласно фонетическим законам этого периода. Почти во всех новоиндийских языках и их диалектах это слово представлено в двух формах: *ghoḍi* и *ghori*. Первая из этих форм употребляется в языке маратхи и его диалектах, в диалекте каччи языка синдхи, в языке гуджарати и в большинстве его диалектов, в языке кхандгии и в диалектах мальви, нимади и лабхани языка раджастхани; вторая — во всех диалектах языка лахнда, в диалектах вичоли и лари языка синдхи, в языке ория, во всех диалектах языка бихари, в ряде диалектов бенгальского языка, а также восточного и западного хинди, в панджабском языке и его диалектах, в диалектах марвари, джайпури и гуджури языка раджастхани, в восточном и центральном пахари и в большинстве диалектов западного пахари¹⁰. Различие между формами *ghoḍi* и *ghori* вызвано тем, что в ряде новоиндийских языков церебральный *d* в положении между гласными перешел в церебральный *ṛ*.

Приведенные примеры показывают, что отдельные языковые факты, появившиеся в индоарийских языках под влиянием субстрата, присущи им всем и развиваются в них по внутренним законам развития этих языков.

Однако вместе с этим рассмотрение различных форм числительного „восемь” в индоарийских языках показывает, что среди этих форм имеются сильно отличные от среднеиндийской, а так же и очень близкие к ней. Иными словами, фонетический облик некоторых новоиндийских языков изменился по сравнению с их среднеиндийским состоянием сильнее, чем в других индоарийских языках. Как правило фонетика западных индоарийских языков обнаруживает больше архаизмов, чем фонетика восточных.

¹⁰ В остальных диалектах этого языка, а именно в багхати, ниунтхали, шодочи и кулуи употребляется форма *gohri*, которая в отношении сохранения церебрального ничем не отличается от формы *ghori*.

Особенно отчетливо прослеживается различие сохранности исхода в словах, среднеиндийские формы которых оканчивались в именительном падеже на *-a* или *-o*, и этим гласным в них предшествовал долгий согласный. Одним из таких слов является рассмотренное выше *aṭṭha* 'восемь'. Можно привести еще целый ряд таких слов. Это *satta* 'семь' (из древнеиндийского *sapta*), *hattha* 'рука' (из древнеиндийского *hasta*), *uṭṭha* 'верблюд' (из древнеиндийского *uṣṭra*) и т.д. В словах этого типа органическое сохранение конечного гласного, хотя и в сокращенном виде, отмечается только в языке синдхи и его диалектах. Язык этот относится к западной подгруппе языков внешней группы. Он распространен по нижнему течению реки Инда на территории, называемой Синд. На этой же территории находятся раскопки Мохенджо Даро. Как отмечалось выше, на развитие этого языка оказал сильное воздействие, очевидно, только один субстрат.

Во многих других языках и диалектах западной Индии конечный гласный в словах этого типа выпал, но согласный, предшествовавший ему, сохранил свою долготу. Это языки лахнда и панджаби с их диалектами, ряд диалектов западного пахари и отдельные диалекты раджастанхи и западного хинди. Они занимают часть территории к западу от 73 меридиана и к северу от 22 параллели. В языках и диалектах распространенных восточнее и южнее их долгий согласный сократился, и утрата его долготы компенсирована продлением предшествующего гласного. Наконец, на крайнем востоке в бенгальском языке, отмечаются многочисленные случаи утраты аспирации конечным согласным.

Эти процессы не могут быть объяснены непосредственным влиянием субстрата языков групп мунда и дравидийской, так как они не наблюдаются в этих языках. Например, как уломиналось выше, в языке ория появился вторичный конечный гласный под влиянием дравидийских языков. Поэтому нет никаких оснований объяснять выпадение конечного гласного в новоиндийских языках влиянием дравидийского субстрата и т.д. Указанные процессы объясняются внутренними законами развития индоарийских языков, но протекают они тем быстрее, чем дольше и интенсивнее каждый из этих языков подвергался действию субстрата.

Большой архаизм фонетического облика языков северо-запада Индии не исчерпывается только исходом слова. В начале и середине слова в этих языках сохраняются некоторые сочетания согласных давно исчезнувшие благодаря ассимиляции в других индо-арийских языках. Так например, числительное 'три' имело в древнеиндийском форму именительного падежа мужского рода множественного числа *trayaḥ*. Из нее развилась форма *trāe*, засвидетельствованная в диалектах мультами, синдхи, тхали, дханны и шахпурском языке лахнда. В других диалектах этого языка ей соответствует форма *trā*, в которой звук *e* представляет дальнейшее развитие *āe*. В диалекте каччи языка синдхи и диалекте гуджури языка раджастанхи эта

форма имеет вид *tre*. К древнеиндийскому *trayaḥ* восходят также форма *traī* литературного панджаби и его диалектов догри и кангра, и диалекта чамеали западного пахари и формы *trāe*, *tlāi*, *tlāe* и *tlai*, засвидетельствованные в некоторых диалектах западного пахари.

Все эти формы имеют общим сохранение сочетания согласных *tr* (также в виде *tl*) в начале слова. Этого не наблюдается ни в одном индоарийском языке или диалекте центральной и восточной Индии. В этом сочетании звук *r* был ассимилирован предшествующим *t* уже в начале I-го тысячелетия н.э.

Во всех средних праkritах древнеиндийская форма *trayaḥ* имеет вид *tae*¹¹. Параллельно с ней в них употребляется форма *tiṇṇi*, восходящая к древнеиндийской форме именительного и винительного падежей множественного числа среднего рода от этого же числительного *trīni*, но утратившая категорию рода. В этой праkritской форме также не сохранилось сочетания *tr*. К форме *tiṇṇi* восходит *tin* 'три', засвидетельствованная почти во всех индоарийских языках и диалектах центральной и восточной Индии. Ее фонетические варианты, имеющиеся в этих языках и диалектах, *tini*, *tini* и др. также утратили *r* после начального *t*.

Этот факт свидетельствует о том, что в фонетике языков северозапада Индии сохраняются до наших дней отдельные архаизмы, утраченные языками центральной и восточной Индии еще в среднеиндийский период. Из этого следует, что фонетические изменения протекали в индоарийских языках в центральной и восточной Индии последовательнее и быстрее, чем на северо-западе уже в начале среднеиндийской эпохи, т.е. во второй половине I тысячелетия до н.э. Такой вывод позволяет сделать также и взаимное сопоставление восточных и западных надписей Ашоки (III в. до н.э.). Однако основные направления изменения фонетического строя являются общими для всех индоарийских языков.

Сохранение большего количества архаизмов в индоарийских языках северозапада Индии по сравнению с языками центральной и восточной Индии не ограничивается только областью фонетики. Аналогичное явление наблюдается и в морфологии. Сюда относятся, например, некоторые формы причастий прошедшего времени.

Исторически эти причастия в индоарийских языках восходят к древнеиндийским причастиям прошедшего времени страдательного залога. Они образовывались в древнеиндийском от большинства глаголов путем присоединения суффикса — *ta* или *na* к слабому виду корня, например, *dṛś* 'смотреть' — *dṛṣṭa*, *li* 'льнуть' — *lina* и т.д. При этом конечный согласный корня и начальный согласный этих причастий часто ассимилировались. Некоторые

¹¹ См. R. Pischel, *Grammatik der Prakrit-Sprachen*. Strassburg, 1900, стр. 311—312.

простые глаголы и все производные вставляли между конечными согласным *a* корня и суффиксом *-ta* соединительный гласный *i* (*ī*), например, *rakṣ* 'хранить' — *rakṣita* и т.д. В результате эти древнеиндийские причастия разбивались на целый ряд фонетико-морфологических типов.

Новоиндийские языки взяли один из этих типов и распространили его на все глаголы, современные корни которых восходят к различным древнеиндийским основам. Так новоиндийский корень *mār* 'бить', развившийся из древнеиндийской основы каузатива от корня *mṛ* 'умирать', образует причастие прошедшего времени в шахпурском диалекте языка лахнда *māreā*, в языке синдхи *māreu*, в языке панджаби *māreā*, в западном хинди *mārā*, в гуджарати и некоторых диалектах языка раджастхани *māryo*, в маратхи *mārīlā*, в диалекте майтхили языка бихари *mārāl*, ория *māri*, бенгали *māriyā* и т.д. Почти все другие глаголы в каждом из этих языков образуют причастия прошедшего времени по соответствующему типу. Исключение представляют лишь немногие глаголы, которые сохраняют древнеиндийские причастия, изменившие свой внешний облик согласно законам эволюции фонетики индоарийских языков. Так, например, корень глагола 'делать' имеет в современном хинди форму *kar*. По аналогии с приведенным выше причастием *mārā* и др. следовало бы ожидать, что причастие прошедшего времени этого глагола будет *karā*. Однако такого причастия не существует. Причастие этого глагола имеет форму *kiyā*. Оно восходит к древнеиндийскому причастию прошедшего времени *kyta* 'сделанный', к которому в среднеиндийскую эпоху был присоединен суффикс *-ka*.

Количество таких неправильных причастий в языках центральной и восточной Индии очень не велико. В языках северозападной Индии их гораздо больше. Наиболее богаты ими языки синдхи и лахнда. В языках панджаби и гуджарати их меньше, чем в синдхи и лахнда, но больше, чем в индоарийских языках центральной и восточной Индии. К числу таких неправильных причастий относятся восходящие к древнеиндийскому причастию *dyṣṭa* 'увиденный'. Это *diṭho* в синдхи при корне *dis*, *diṭhā* в шахпурском диалекте языка лахнда при супплетивной основе *vekh*, *diṭhā* в панджаби при инфинитиве *dekhnā*, *ditho* и *diṭho* в гуджарати при инфинитиве *dekhacum*. Языки центральной и восточной Индии имеют правильное причастие этого глагола хинди *dekhā*, бенгали *dekhīyā* и т.д. Глагол 'спать' имеет в указанных языках также неправильные причастия представляющие дальнейшее развитие древнеиндийского причастия *supta* 'заснувший'. Это *suto* в синдхи при основе *sumh*, *suttā* в шахпурском диалекте языка лахнда при основе *sām*, *sutā* в панджаби при инфинитиве *saunā*, *suto* в гуджарати при инфинитиве *suvcum*. В языках центральной и восточной Индии причастие это образуется правильно, например, хинди *soyā* при инфинитиве *sonā* и т.д. Количество такого рода примеров можно бы значительно увеличить. Показательным является то, что в языке синдхи таких неправильных при-

частей несколько десятков¹², а в хинди только пять. Их очень мало и в других языках центральной и восточной Индии.

Весьма показательна в этом отношении и система личных местоимений. В древнеиндийском, как и в других древнейших индоевропейских языках, личные местоимения образовывали формы ряда падежей в единственном, двойственном и множественном числе от основ с различными корневыми элементами. Так, например, в первом лице единственного числа именительный падеж образовался от основы *aha-*, а ряд косвенных падежей — от основы *ma-*. Во втором лице в единственном числе выступал корневой элемент *tu-,tva*, а во множественном и двойственном *ui-* (*yū-* — в именительном падеже двойственного числа).

На протяжении всего развития индоарийских языков эта супплетивность основ постепенно упрощается. Упрощение супплетивности основ у личных местоимений является одной из закономерностей развития этой категории в индоарийских языках, однако процесс устранения супплетивности основ у личных местоимений протекал в различных индоарийских языках неравномерно. Он завершился полностью в языках восточной подгруппы внешней группы индоарийских языков, но в языке синдхи древнеиндийская супплетивность основ упростилась лишь незначительно. Так в этом языке в образовании форм личного местоимения I-го лица участвуют основы с тремя различными корневыми элементами, а в образовании форм личного местоимения 2-го лица — с двумя различными корневыми элементами. Все остальные индоарийские языки занимают в этом отношении промежуточное положение между языком синдхи и языками восточной подгруппы внешней группы.

В этой связи интересно отметить, что язык синдхи, сохраняет и по сей день формы личного местоимения второго лица множественного, корневой элемент которых восходит к древнеиндийскому *ui-*. Таких форм нет ни в одном другом индоарийском языке. Большинство индоарийских языков еще в среднеиндийский период заменили корневой элемент *ui-* — корневым элементом *tu-*, употреблявшимся ранее только в единственном числе.

Большую интенсивность сокращения супплетивности основ личных местоимений в восточных индоарийских языках по сравнению с западными нельзя считать непосредственным воздействием субстрата. Тенденция к ее устранению имеется и в других индоевропейских языках. Кроме того, этот процесс имел место в индоарийских языках в доисторическую эпоху. Сравнение с другими индоевропейскими языками показывает, что индоевропейские языки имели и у личного местоимения второго лица единственного числа,

¹² См. их список: E. T r u m p p, *Grammar of the Sindhi Language*. London — Leipzig, 1872, стр. 272—279.

основу именительного падежа отличную от основы косвенных падежей. Она состояла из согласного *t*, I-го ларингального и гласного между ними. Эта основа сохранилась в оскском *tiium*, *tiu* 'ты' и хеттском *zek* (*z* здесь палатализованное *t*). Предок индоарийских языков утратил эту основу еще в доведический период.

Кроме того в отдельных случаях упрощение супплетивности основ у личных местоимений связано с изменением всего строя языка. Так, в новоиндийскую эпоху в большинстве индоарийских языков центральной и восточной Индии выходят из употребления древние формы именительного падежа, корневой элемент которых восходит к древнеиндийскому корневому элементу *aha-*. Они заменяются формами, развившимися из древнеиндийских форм косвенных падежей с корневым элементом *ma-* или *m-*. Объясняется это тем, что при образовании прошедших времен в индоарийских языках используется древнее причастие страдательного залога, требовавшее логическое подлежащее в одном из косвенных падежей. Процесс замены этих форм наблюдается во всех индоарийских языках, однако на северо-западе старые формы встречаются значительно чаще.

В новоиндийскую эпоху устранение супплетивности основ у личных местоимений тесно связано также с тенденцией создания почтительных и уничижительных форм личных местоимений. Так, в языках восточной подгруппы внешней группы старые формы единственного числа становятся уничижительными формами личных местоимений, а старые формы множественного числа теряют семантику множественного числа и превращаются в почтительные формы личного местоимения единственного числа соответствующего лица. Существовавшее ранее между ними взаимоотношение форм единственного и множественного числа нарушается, и как почтительное, так и уничижительное личное местоимение начинает образовывать новые формы множественного числа.

Тенденция к такому развитию наблюдается во всех индоарийских языках, однако завершилось оно только в языках восточной Индии. Так, например, в литературном бенгальском языке уничижительное местоимение второго лица *tui* представляет дальнейшее развитие формы единственного числа местоимения второго лица. Его старая форма множественного числа *tumi* превратилась в форму почтительного местоимения второго лица единственного числа. Оба эти местоимения образуют формы множественного числа при помощи суффикса *-rā*: *torā* 'вы' (уничижительно) и *tomrā* 'вы' (почтительно). Тенденция к такому переосмыслению старых форм личных местоимений наблюдается во всех других индоарийских языках, однако процесс их грамматикализации завершился только в языках восточной Индии. Это нельзя объяснить непосредственным влиянием субстрата. Рассмотренный процесс является отражением в языке усложнения структуры индийского

общества в классовый период его развития. Однако субстрат оказал косвенное содействие грамматикализации уничижительных и почтительных форм, ослабив устойчивость старой системы личных местоимений.

Большая архаичность западных индоарийских языков по сравнению с восточными прослеживается еще на целом ряде явлений. Так, восточные индоарийские языки совершенно утратили старую грамматическую категорию рода. Языки западной центральной Индии сохраняют или все три древних рода: мужской, женский и средний род (языки маратхи и гуджарати) или два рода: мужской и женский род (языки западный хинди, панджаби, лахнда, синдхи и др.).

Таким образом, сравнение индоарийских языков между собой с учетом истории народов, говорящих на них, показывает, что субстрат оказывал на них двоякое действие. Во-первых, он действовал на них непосредственно, т.е. из него делались лексические заимствования, в строе этих языков возникали различные явления, первоначально свойственные субстратным языкам и т.д. Во вторых, его действие приводило к ускорению эволюции индоарийских языков по внутренним законам их развития. Чем дольше и интенсивнее воздействовал субстрат на язык, тем быстрее и последовательнее проходили в нем сдвиги фонетического и морфологического строя, хотя направление этих сдвигов и не всегда определялось строем языка-субстрата.

В этом, очевидно, и заключается одна из главных причин того, что в индоарийских языках западной Индии сохранилось гораздо больше архаизмов, чем в языках восточной Индии, и ряд процессов, завершившихся в языках восточной Индии, не завершился в них. В этом же следует искать и одну из причин того, что индоарийские языки изменяли свой строй гораздо быстрее, чем некоторые другие группы индоевропейских языков, например, балтийская.

Cena z1 112.—

631